

Когда человек оказывается в безвыходном положении, у него обычно есть два пути.

Либо его разум начинает лихорадочно искать выход, цепляясь за каждую мелочь...

Либо в голове воцаряется абсолютная пустота.

У Чжао Цзи в мыслях не осталось ровным счётом ничего.

Драться? Бесполезно. Бежать? Не догонит.

Да ещё и нога отнялась.

В то мгновение остриё меча отделяло от его горла какую-то сотую долю сантиметра. И всё же Чжао Цзи был уверен: не пройдёт и четверти часа, как хозяин этого оружия опустит клинок. А всё потому, что он решил сказать чистую правду. За свою жизнь Чжао Цзи изрекал немало истин, но ни одна из них не была столь неопровержимой. Настоящее чистое золото, а не слова.

Замерев спиной к Лэнсюэ, Чжао Цзи с трудом сглотнул слюну, пытаясь хоть немного смочить пересохшее горло. Наконец он приоткрыл рот:

— Я... ж... я...

Но как это выразить?

«„Мы — император“? Звучит нелепо»

«„На самом деле я — Сын Неба“? Тоже глупость какая-то»

Пока Чжао Цзи мучительно подбирал слова, Лэнсюэ истолковал его мычание по-своему. Обернувшись к декоративной горке, он крикнул:

— Старший брат, он немой!

Стоящий с поднятыми руками Чжао Цзи, который как раз выстраивал изящную фразу, опешил.

«Да чтоб тебя! Сам ты немой!»

Выругаться он не успел. Чжао Цзи бесцеремонно сгребли за шиворот и оторвали от земли. Ноги его беспомощно закачались в воздухе. Лэнсюэ стиснул его воротник, словно держал за шкуру нашкодившего котёнка, легко прыгнул с каменных глыб и приземлился прямо перед

колёсами кресла Уцина.

Этот Уцин обладал на редкость благородной внешностью, но методы его благородством не отличались. Бросив брезгливый взгляд на пёстрое, размалёванное лицо Чжао Цзи, он холодно скомандовал:

— Похоже на лазутчика из демонического культа. Лиши его возможности вредить себе и тащи в застенки, там допросим.

Чжао Цзи не сразу понял, о чём речь, но стоило Лэнсюэ мёртвой хваткой вцепиться ему в челюсть и напрячь пальцы, как догадка озарила его разум. Эти двое приняли его за лазутчика-смертника! Они боялись, что он раскусит яд, спрятанный за зубами, и собирались просто-напросто вывихнуть ему челюсть!

— А ну пусти! — завопил Чжао Цзи, отчаянно мотая головой из стороны в сторону, пытаясь вырваться. — Я император! Я Чжао Цзи!

Эти слова заставили Уцина и Лэнсюэ на миг замешкаться.

Обычно на просторах цзянху, оказавшись в ловушке, люди в ярости выкрикивали ругательства вроде: «Я твой предок!» или «В гробу я вас видал!». Но заявить: «Я император»? Это что за новый приём?

Пойманный тип казался средоточием нелепости. Мало того что он пытался перемахнуть через стену и проникнуть в закрытую часть дворца, так он ещё, будучи мужчиной, напялил женское платье и раскрасил лицо на манер сектантов. И теперь этот безумец утверждает, будто он владыка Поднебесной?

Окажись здесь сейчас Чжуймин, он непременно съязвил бы что-то вроде:

«А я тогда — Нефритовый император!»

К счастью, само небо незримо хранило их всех. Сегодня на дежурстве Чжао Цзи поймали не легкомысленный Чжуймин, а Уцин и Лэнсюэ. В их головах роились сотни вопросов, но оба они не отличались болтливостью.

Ещё большим счастьем было то, что Божественный маркиз Чжугэ сегодня тоже бодрствовал на службе.

Но главным везением оказалось то, что старик Чжугэ, недавно отозванный из далёких краёв, на прошлом утреннем приёме стоял в самом дальнем углу тронного зала и успел рассмотреть лик юного Сына Неба.

И, хвала богам, зрение у старика было отменным.

Это совпадение спасло не только нервы Чжао Цзи, но и жизни Уцина и Лэнсюэ.

Получив весть о том, что Уцин и Лэнсюэ поймали ночного гостя из цзянху, Чжугэ Чжэнво вспомнил предупреждение своего приятеля Цай Цина о возможных смутах и поспешил к месту происшествия. Едва приблизившись, он услышал надрывный, сорванный крик Чжао Цзи.

Этот голос Божественный маркиз ни с чем бы не перепутал — кричал Его Величество. Ещё не видя происходящего, Чжугэ Чжэнво почувствовал, как внутри у него всё леденеет.

А когда он наконец выбежал на поляну и увидел, кого именно скрутили его ученики, у него окончательно ушло сердце в пятки. Лицо пойманного было скрыто за нелепым слоем грима, но очертания фигуры и осанка не оставляли сомнений: перед ними стоял сам император.

— Назад! Стоять! — в панике закричал Чжугэ Чжэнво, бросаясь к ученикам.

Лэнсюэ мгновенно отпустил Чжао Цзи. Едва освободившись, тот заметил за спиной Чжугэ Чжэнво густую толпу гвардейцев Юйлинь с пылающими факелами.

Чжао Цзи незаметно ткнул пальцем в сторону Божественного маркиза, затем перевёл жест на его свиту и резко взмахнул ладонью, безмолвно приказывая: «Убери их отсюда! Немедленно!»

Чжугэ Чжэнво проявил редкую догадливость. Он мгновенно уловил жест императора, развернулся к гвардейцам и вполголоса отдал приказ. Неизвестно, что именно он им нашептал, но воины тут же развернулись и покинули двор.

Как только шаги гвардейцев затихли вдали, старик подхватил полы своего тяжёлого одеяния и поспешно опустился на колени перед расфуфыренным юношей:

— Ваше Величество, молю о прощении!

Зачем Его Величество облачился в женские шелка? Почему его лицо раскрашено, точно маска злого духа? Зачем ему понадобилось лезть через стену собственного дворца? (И, видит небо, как он вообще ухитрился её одолеть, ведь каменная кладка там высотой в несколько метров!) Обо всём этом Чжугэ Чжэнво сейчас предпочитал даже не задумываться.

Его ужасало другое: один из его учеников только что едва не свернул Его Величеству шею, а второй, хоть и сидел неподвижно в своём кресле, всё это время держал скрытый механизм нацеленным прямо в императорское сердце.

Это было неслыханное, тягчайшее святотатство!

Потрясённые Уцин и Лэнсюэ переглянулись и без лишних слов повалились наземь рядом с учителем. Все трое застыли в глубоком поклоне.

Над садом воцарилась глухая, звенящая тишина.

В душе Чжугэ Чжэнво бушевала буря, но и Чжао Цзи чувствовал себя ничуть не лучше. Кажется, сейчас трудно было бы решить, чьё сердце колотится от страха сильнее.

— Хм... Кхм, — наконец нарушил молчание Чжао Цзи, первым не выдержав этого гнёта. Он сухо откашлялся. — Поднимитесь. Не знавшие вины не имеют.

Троица поднялась с колен.

Чжао Цзи на удивление быстро смирился с тем, что его тайна раскрыта. После конфуза перед Ли Сюньхуанем его душевная броня закалилась, а бесстыдство сделало качественный скачок вперёд. Совершенно не смущаясь своего нелепого вида и размазанных румян, он по-хозяйски опёрся ладонью о плечо Лэнсюэ. В этот момент он обнаружил, что его правая нога всё ещё остаётся совершенно бесчувственной. Немного подумав, он без лишних церемоний перенёс весь свой вес на юношу, решив таким нехитрым образом выразить досаду и гнев.

Лэнсюэ, вынужденный примерить на себя роль живой подпорки, лишь молча оцепенел.

Он был ещё совсем молод. Но в отличие от Чжао Цзи, который после всех своих тренировок по-прежнему напоминал хрупкого цыплёнка, Лэнсюэ обладал превосходным сложением. Под его доспехами угадывался рельеф крепких тренированных мышц. Он застыл без единого звука, похожий на затаившегося перед броском леопарда. В чертах его лица угадывались юношеский задор и теплота, но в то же время — поразительная для его лет непреклонность и стойкость.

Оказавшись так близко к императору, Лэнсюэ весь подобрался и одеревенел. Обычно они с братьями возились и дурачились без всякого стеснения, но то были близкие люди. С чужаками он никогда не позволял себе подобных вольностей. А уж когда этим «чужаком» оказывался раскрашенный под шута правитель государства...

Окончательно наплевав на приличия, Чжао Цзи уныло ткнул пальцем в свою голень:

— Нога не слушается. Не двигается вообще.

Уцин слегка щелкнул пальцами в сторону его колена. Чжао Цзи охнул от внезапной вспышки боли — заблокированные меридианы мгновенно открылись, и волна ощущений хлынула от нервных окончаний прямо в мозг.

Нога ныла нестерпимо, там наверняка уже наливался огромный синяк.

Чжао Цзи мысленно осыпал Уцина самыми изощрёнными ругательствами. Каков мерзавец! Разве можно бить с такой силой? Он ведь лез через стену в женском платье! То есть, когда Уцин отдавал приказ атаковать, он думал, что перед ним девица!

«Неужели в этом человеке нет ни капли жалости к слабому полу?»

Хотя чего ещё ждать от типа по прозвищу «Безжалостный».

Потирая ушибленное колено, Чжао Цзи лихорадочно обдумывал, как преподнести случившееся.

Впрочем, в его душе уже загорался азартный огонёк. Ему как раз катастрофически не хватало верных людей, и надо же — само небо преподнесло ему Божественного маркиза и четырех великих сыщиков прямо на блюде. Было бы верхом глупости упустить такую возможность. К тому же, раз уж его тщательно подготовленное прикрытие с треском провалилось, эти господа просто обязаны возместить ему моральный ущерб!

Чжао Цзи мысленно потёр ладони, предвкушая, как запряжёт их в работу по самую шею.

Чжугэ Чжэнво предан престолу, умен и невероятно полезен. В отличие от Ли Сюньхуаня с его обострённым чувством справедливости и романтическим идеализмом странствующего рыцаря, Божественный маркиз был практиком до мозга костей. К тому же у него имелось ценнейшее качество — абсолютная преданность своему государю.

Это был идеальный соратник, а не обуза.

<http://bllate.org/book/18987/1960142>